

В. П. СТЕПАНОВ

НЕИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ И. М. ДОЛГОРУКОВА

В стремительном литературном процессе начала XIX века наблюдается несколько примечательных анахронизмов: Державин продолжал в почти неизменном виде одическую традицию классицизма, Хвостов остался в рамках сумароковской школы, Долгоруков писал в духе «легкой» поэзии, сформировавшейся в России к концу XVIII века под сильным французским влиянием.

Поэт очень личный, Долгоруков не пошел вслед за сентименталистами и не стал поэтом «чувства», оставшись рациональным поэтом личных «впечатлений». Его поэзия не вызвала отторжения у современников, хотя он явно был человеком другой эпохи и эстетики; скорее, она вызывала их интерес. Известны иронические, но одновременно и заинтересованные отзывы о нем П. А. Вяземского и А. С. Пушкина.

Колоритная фигура Долгорукова привлекает внимание и в наше время, когда начинают переиздаваться его многочисленные мемуары.

Рукописей поэтических произведений Долгорукова известно немного, в три прижизненных издания вошло все, что он счел нужным напечатать. Поэтому некоторый интерес представляет экземпляр последнего издания «Бытия сердца моего, или Стихотворений князя Ивана Михайловича Долгорукова» (М., 1817–1818. Ч. 1–4. В двух переплетах) с рукописными дополнениями автора. Он хранится в Пушкинском Доме в составе библиотеки известного историка литературы и библиофила М. Н. Лонгинова (шифр Ло. 38.1.8., ч. 1–4).

Как попал личный экземпляр Долгорукова в библиотеку Лонгинова, объясняет запись на форзаце первого тома, по характеру однотипная с рядом других владельческих записей лонгиновской библиотеки: «Сын автора, сенатор князь Дмитрий Иванович Долгорукий, прислал мне из Москвы, при письме от 19 февраля 1865, в подарок этот драгоценный экземпляр сочинений своего отца, вписавшего собственноручно на особых листах, вплетенных в книгу, объяснения на свои стихотворения, выпущенные из них в печати стихи и т. п. Михаил Лонгинов. Тула. 22 февраля 1865». Весьма вероятно, что подарок связан с работой Лон-

гинова над заметкой «Хронология некоторых стихотворений князя И. М. Долгорукова».¹

Д. И. Долгоруков, старший сын поэта, так же как и дочь Варвара (в крещении Антонина, в замужестве Новикова), были помощниками отца в его литературных работах. В своих воспоминаниях князь Долгоруков указывал, что именно Дмитрий особенно помогал ему в подготовке третьего издания сочинений: «Я готовил третье издание моих сочинений, слышал первое с вторым, исправлял некоторые старые пиесы и собирал те из новых, которые могли выдержать Ценсурную пробу. Все это надобно было соединить в одно целое, прибрать по материалам и переписать набело <...> Сын мой Дмитрий был мне хороший сотрудник в механизме моей работы, и мы с ним перемарали бумаги пропасть».² Эта помощь сводилась, очевидно, прежде всего к наведению справок и переписке текста. Почерк старого князя был неудобочитаем, как это видно и из записей на вшитых в экземпляр чистых листах. Поэтому они все продублированы почерком сына, по расшифровке которого мы их и публикуем. Д. И. Долгоруков хорошо знал и другие сочинения отца, в частности его мемуары, сведениями из которых дополнил, вероятно, позднее пометки отца (они оговорены в тексте). Сами расшифровки также делались, скорее всего, уже после смерти И. М. Долгорукова, так как в 1820 году Д. И. Долгоруков уехал в Петербург, чтобы присоединиться к русскому посольству в Царьград.³ До конца жизни у него хранились рукописи прозаических произведений Долгорукова. О. М. Бодянский, впервые опубликовавший эти тексты, сообщал, что получил их от наследников Д. И. Долгорукова.⁴ Можно думать, что до того как экземпляр попал к Лонгинову, он не был известен за пределами семейства Долгоруковых. Во всяком случае, с ним не был знаком М. А. Дмитриев, который во время работы над книгой о Долгорукове пользовался материалами семейного архива.⁵ В противном случае он не назвал бы безо всякого сомнения адресатом стихотворения «Шутка за шутку» М. Н. Зиновьева, так как в экземпляре адресат однозначно расшифрован как М. Н. Макаров.⁶

Мысль Долгорукова дополнить свои сочинения примечаниями не была совершенно оригинальной для своего времени. Хорошо было известно, что существуют рукописные «объяснения» Державина к вышедшим из печати первым томам его сочинений. В качестве побудительной причины, заставившей его написать примечания, Державин назвал желание и даже необходимость объяснить новому поколению смысл ряда своих произведений. «В некоторых моих произведениях и поныне многие что читают, того не понимают совершенно <...> Все примечатели и разби-

¹ Русский архив 1865 № 3 С 368–372

² Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни (рукопись) ИРЛИ, р I, оп 6, № 68, с 977–978 (Далее «Повесть »)

³ Там же С 1053

⁴ Долгоруков И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда М., 1870 С III–IV (Далее «Славны бубны »)

⁵ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни М., 1998 С 167, 599

⁶ Дмитриев М. А. Князь И. М. Долгоруков и его сочинения М., 1863 Изд 2-е, испр и доп С I–II, 249

ратели моей жизни без особых замечаний, оставленных мною на случай смерти моей, будут судить невпопад».⁷ Сокращенное изложение этих примечаний было издано Н. Ф. Остолоповым уже в 1821 году под заглавием «Ключ к сочинениям Державина».

Д. И. Хвостов прибег к такой же форме пояснений, но уже в публичной печатной форме, при издании в 1814 году собрания своих «Посланий». Хотя сами примечания по содержанию были менее интересны, чем державинские, и не вызвали особого резонанса, по типу они к ним очень близки. Как и Державин, Хвостов обычно фиксирует время и историю создания, указывает людей и обстоятельства, которые вызвали послание, иногда указывает ранние и поздние изменения редакции стихов, поясняет особенности своих метафор («вымыслов») и языка.

В общем, работа Долгорукова шла в том же русле. Дело, однако, не в заимствовании идеи или подражании кому-то из современников. Общим было ощущение, что эпоха, которой принадлежали авторы прошлого века, утратила злободневность, и их поэзия постепенно стала требовать пояснений для нового поколения литераторов и писателей.

Манера работы непосредственно на тексте, с листами, вплетенными в издание, была привычной для Долгорукова. Описывая свое путешествие в Одессу под заглавием «Славны бубны за горами», он упоминает, какое употребление он сделал из своего сборника «Сумерки моей жизни» (1806), посвященного памяти первой жены Е. С. Смирной: «У всех есть альбом; а я, странный человек, вожу с собою „Сумерки“ мои с белыми чистыми листами и прозвал их *Nigrum*» (в данном случае, скорее всего, не «черное», а «печальное»). В этот экземпляр «как в альбом,— пишет он далее,— мои знакомые дарили меня своим пером».⁸

Пометы Долгорукова отчетливо распадаются на замечания и добавления к текстам. Последние, очевидно, не были спонтанной правкой книжного текста. Во-первых, Долгоруков несколько раз делает указание на то, что стихи «выпущены», что «в рукописи» было иначе, чем в печатном тексте. Это прежде всего может означать, что он сравнивал тексты с наборной рукописью, измененной в цензуре. С другой стороны, некоторые дополнения так обширны, что вряд ли они восходят к ней. По-видимому, он обращался и к более ранним рукописям своих произведений. Во всяком случае, стихотворение «Ропот на дорогу» сохранилось в первоначальной редакции, из которой заимствованы вписанные строки, в «Журнале путешествия из Москвы в Нижний 1813 года».⁹

Впрочем, Долгоруков вряд ли предполагал когда-либо печатать свои исправления, дополнения и пояснения. Вся его работа носила как бы внутренний характер, хотя параллельно и машинально он выправлял также и вкравшиеся в текст и не замеченные им в корректуре опечатки.

Последнее издание сочинений Долгоруков считал не только самым полным, но и самым удачным.¹⁰ Он начал работать над изданием по пред-

⁷ Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2. С. 109.

⁸ Славны бубны... С. 174, 301.

⁹ Долгоруков И. М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М., 1870. С. 119.

¹⁰ «Издание сие было прекрасно отработано во всяком отношении, говоря в Типографическом о нем смысле». (Повесть... С. 1045).

ложению книгопродавца Ширяева осенью 1816 года и, как писал: «Труда было довольно, но я никогда такими упражнениями не тяготился; они были в моем давнишном и привычном вкусе».¹¹ В то время, когда оно печаталось, он с семейством ездил на юг России, и корректуры высылались в определенные места по маршруту его поездки. Об этом он писал в записках о «Путешествии в Киев в 1817 году», что в Девицах его ждали корректурные листы первого тома, а в Киеве в лавке он увидел книгу уже изданной и «очень обрадовался сим новым начаткам старых моих произведений...».¹²

Внесение замечаний в экземпляр по времени связано с другой работой Долгорукова, которая велась одновременно, — составлением мемуарного свода «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». В. И. Коровин, переиздавший «Капище», датирует работу над ним 1818 годом.¹³ Окончание работы фиксирует сам Долгоруков, записав в мемуарах под октябрём 1820 года: «Я кончил мой Лексикон».¹⁴ Почти все расшифровки в экземпляре присутствуют и в статьях, посвященных этим же лицам в «Капище». Если не буквально, то текстуально очень близко совпадают там и здесь характеристики персонажей и отношений их с автором. Складывается впечатление, что экземпляр собрания сочинений с пометками служил Долгорукову предварительным путеводителем по кругу тех лиц, которых он заносил в «Капище».

По содержанию разнообразная правка Долгорукова на практически полном собрании его стихотворений симптоматична для характеристики его личности. Наследник одной из самых знатных русских фамилий, светский человек и крупный чиновник, он не принадлежал ни к заскорузлым консерваторам, ни к «либералистам» начала XIX века, в общем оставаясь человеком вполне благонамеренным. Подобно Карамзину-историку он не видел необходимости каких бы то ни было масштабных преобразований в русской жизни. По поводу конституционных проектов он писал: «Дело в человеке, а не в хартии <...> Нравы переменялись, и воля царя давала им угодное ему направление <...> Я с теми мыслями сойду в гроб, что нет правления лучше единодержавия, когда самодержец — человек Божий по уму и нраву».¹⁵ Его цепкий и живой ум подмечал в русской жизни смешные несоответствия между сложившимися обычаями и идеями европейского Просвещения. Недаром его триада «Авось», «Везет» и «Живет» оказалась столь популярной в публике (ср. в десятой главе «Онегина» стих «Авось, о Шиболет народный..») Любопытны и чисто бытовые наблюдения Долгорукова, вроде иронической сценки в толпе крестьян. «Один мужик кричал другому: „Для меня мир важнее барина!“ Слава богу! И мужики входят во вкус политической свободы».¹⁶

¹¹ Там же С 978

¹² Долгоруков И М Путешествие в Киев в 1817 году М, 1870 С 26, 109 (Далее «Путешествие в Киев»)

¹³ Капище М, 1997 С 351

¹⁴ Повесть С 1054

¹⁵ Путешествие в Киев С 156

¹⁶ Славны бубны С 3

Вместе с тем образованность (преимущественно французская) и отчасти легкомысленная широта суждений создали ему репутацию последовательного вольнодумца и вольтерьянца, каким он никогда не был. Подводя итог своей житейской репутации после оскорбительной отставки от всех должностей, Долгоруков насмешливо записал в «Путешествии в Киев»: «Когда я был молод, меня в публике называли атеистом, натуралистом, деистом, потом республиканцем, наконец даже и якобинцем...».¹⁷ Те суждения, которые казались Долгорукову совершенно естественными, шутивными и остроумными, наталкивались на возражения официальной цензуры. Цензуру он считал, как и большинство литераторов начала века, не столько политическим орудием, сколько глупым препятствием на пути разумной мысли. «Какой путешественник с полной свободой опишет нашего края недостатки? Цензура съест и автора, и книгу. Хоть плачь, да все хвали!» — писал он, приступая к очередным путевым запискам.¹⁸ Зная эти сложности, Долгоруков, как видно по дополнениям к текстам, избегал прямых столкновений с цензором, прибегая к автоцензуре своих стихотворений. Действительно, трудно представить, чтобы он с надеждой напечатать включил в подцензурную рукопись те отрывки из «Торжества совести», где речь идет об убийстве Орловыми императора Петра III, и ряда других стихов в адрес «вельмож» и «сатрапов». Однако к 1817 году (время министерства А. Н. Голицына) цензурные требования ужесточились до такой степени нелепости, особенно по духовной части, что Долгоруков уже не мог предугадать решений цензора и вынужден неоднократно констатировать: «цензура не пропустила».

Многочисленные параллели пояснений смысла отдельных стихов и целых пассажей, особенно когда речь идет о лицах, которым они адресованы, можно найти в мемуарных сочинениях Долгорукова, например в «Капище», где по дням года собрано 365 заметок о его знакомых. Вместе с тем рукописные пометы дают и некоторые дополнительные сведения. Так, мы узнаем, что анонимное стихотворение «Стихи к N. N.» из «Иппокрены», адресованные Долгорукову, принадлежат некоей провинциалке Николевой, заочной поклоннице поэта.¹⁹ О недружелюбных отношениях Долгорукова с И. И. Дмитриевым известно давно, и, как писал он в «Капище», «я многие резкие места относил к нему и прямо бил, как в мишень».²⁰ Начиная со скандала с чтением в присутствии И. И. Дмитриева в Московском обществе любителей словесности стихотворения «Невинность», которое Общество отказалось печатать, а Н. Н. Сандунов даже вышел из членов Общества, увидев в нем нападки на Дмитриева, Долгоруков продолжал выражать свое неудовольствие прежним приятелем и даже старое стихотворное послание к нему переименовал в безликое «Сослуживцу». Из примечаний мы узнаем, что стих «Ликуй, холодный себялюбец...» из стихотворения «В последнем вкусе человек» настроженный Дмитриев считал нацеленным именно в него.

¹⁷ Путешествие в Киев С 135.

¹⁸ Славны бубны С 27

¹⁹ Помещено как анонимное в сборнике «Поэты XVIII века» Л., 1972 Т.2 С 488

²⁰ Капище С 106

Особенно любопытны примечания Долгорукова к стихотворениям, посвященным некоторым дамам московского света, с которыми он в разное время находился в близких отношениях. В поэзии, да и в мемуарах Долгорукова, женщины и любовная тема занимают центральное место. В «Капище» он признавался, что всегда «писал стихи не по иному какому побуждению, как чтобы нравиться женскому полу, ибо я во вселенной ничем, кроме его, не пленялся».²¹ Хроника его романических отношений исключительно велика, но за исключением провинциального романа с Е. А. Улыбышевой («Людмила» его стихотворений) не скандальна. Поэмы, относящиеся к подносной любовной лирике, сами по себе не особенно информативны. Но если дополнить их другими сведениями, то они проливают свет на атмосферу московского светского общества, где под влиянием сентиментальной эмансипации женщины стали играть чуть ли не ведущую роль. Именно в Москве появились первые сочинительницы, которых с радостью привечали издатели в своих журналах, и первые журналы, посвященные женщинам. Эта сфера, где мимолетные литературные занятия часто превращались в игру, а иногда походили на мистификацию, остается малопонятной и, главное, трудно изучаемой, потому что мы не знаем бытовых условий, нравов, побудительных мотивов. Поэтому любые намеки на характер литературной салонной культуры могут оказаться ценными как для понимания русского сентиментализма, так и людей, олицетворяющих эту культурную эпоху.

Репутация Карамзина как человека московского дворянского сообщества, конечно, неотделима от его авторского, писательского успеха.

Слава «Истории государства российского», а затем созданная усилиями друзей и почитателей биографическая легенда об историографе и писателе стусевали те черты ранней биографии Карамзина, которые приходили в противоречие с образом «чувствительного» автора. Проза и поэзия Карамзина, пронизанные авторским началом, невольно провоцировали читателя на отождествление писателя с его лирическим героем. Любое противоречие между реальным человеком и литературным образом привлекало обостренное внимание. В 1796 году Г. Р. Державин в письме к И. И. Дмитриеву, «очень» похвалив «Послание к женщинам», остался недоволен последним стихом («Он нежной женщины нежнейшим другом был») и фривольно заметил, «что с таковыми жен друзьями мужа с рогами». В следующем письме Дмитриеву он, правда, извиняясь, любезно пояснил, что несомненно только «привязанность к добродетели и восторг поэта» побудили Карамзина похвалиться «дружбою дамы».²² Ясно, что Державину был известен адресат стихотворения — Анастасия Ивановна Плещеева, и какие-то скандальные слухи, добравшиеся до Петербурга.

В 1801 году Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой, младшей сестре А. И. Плещеевой (Протасовой). Эта первая женитьба Карамзина нашла отражение в рукописном «Описании бракосочетания гос-

²¹ Капище. С. 106.

²² Державин Г. Р. Сочинения. Л., 1987. С. 417–418.

подина К...», которое М. П. Погодин назвал «пасквилем».²³ «Описание» вышло из круга Дружеского литературного общества братьев Тургеневых, сыновей И. П. Тургенева, давнего масонского знакомого Карамзина; сохранился автограф А. С. Кайсарова с его авторской правкой.²⁴ Оно оценивалось обычно с точки зрения идейного, гражданского противостояния молодых членов кружка карамзинизму. Однако в «Описании» прослеживается также язвительная насмешка над несоответствием, как казалось авторам, Карамзина-писателя и человека. Как ни молоды были братья Тургеневы, какие-то расходившиеся по Москве слухи побудили их наряду с иронической картинкой сентиментального бракосочетания упомянуть в «куплетах» «скромные диваны, свидетели нескромных сцен» (отсылка к «Модной жене» Дмитриева) и ввести песенку супругов:

Лишась способности грешить,
Мужей оставим мы в покое,
И жен начнем добру учить.

Данные стихи являются цитатой из стихотворения Карамзина «Исправление. (Шутка над лицемерами и ханжами)».

В своих пометах Долгоруков не упоминает Карамзина прямо. В «Капище» он даже свидетельствует, что «не имел с ним ни связи, ни близкого знакомства», только «случалось бывать с ним в одних и тех же домах».²⁵ Имеются в виду дамские салоны, всегдагдаем которых был Долгоруков, и их хозяйки, прежде всего В. П. Волконская, В. А. Трубецкая и П. Ю. Гагарина. В их домах ставились домашние спектакли благородных любителей, страстным поклонником и участником которых был Долгоруков, и господствовала околелитературная атмосфера. Варвара Александровна Трубецкая, жена Н. Н. Трубецкого, сводного брата Хераскова, была поэтессой и автором драмы «Эдуард и Эмма»; им принадлежало гостеприимное и веселое Очаково. Стихотворную переписку с ней (о «луне») Долгоруков поместил среди своих сочинений. В доме Варвары Петровны Волконской также были театральные представления. Долгоруков был в нее долго и сильно влюблен, под именем «Глафиры» к ней обращен ряд его стихотворений. Замечания Долгорукова о Прасковье Юрьевне Гагариной вызывают наибольший интерес. По рождению она была Трубецкая, дочь Юрия Никитича Трубецкого, брата Н. Н. Трубецкого. Ее муж, кн. Ф. С. Гагарин, погиб во время штурма Варшавы в 1794 году; много лет спустя вторым браком она вышла за полковника П. А. Кологривова; Вера Федоровна Вяземская, разрешения жениться на которой П. А. Вяземский просил у своего опекуна Карамзина, была ее старшей дочерью, и, возможно, ребенком сживала у Карамзина на коленях.

Роман Карамзина с Гагариной приходится на 1790-е годы. К ней обращены два из его лучших лирических стихотворений «К верной» и «Неверной», овеянные надеждой на счастливый конец его любовного увлече-

²³ Погодин М. П. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1. С. 391.

²⁴ Русский библиофил. 1911. № 1. С. 30–39.

²⁵ Капище. С. 251.

ния. Судя по письму к Дмитриеву от апреля 1799 года, к этому времени близкие отношения уже закончились: «...в семи верстах от города, там, где я третьего года писал <...> стихи «К „верной“ давно неверной».²⁶

Долгоруков в мемуарных записях характеризует Гагарину как одну из самых ярких фигур московского света: «Я с ней знаком был во время ее вдовства, и довольно коротко: она женщина смолоду взбалмошная и на всякую проказу готовая. Во время тесной связи ее с Карамзиным я не урежал к ней моими посещениями. Всех резвостей исчислить невозможно, какие она выдумывала для приятного провождения времени и на даче, то есть за городом, и в городском ее доме <...>. Я с ней часто игрывал на театре, на котором она затевала разные зрелища, единственно для того, чтобы привлечь к себе людей, и из одного чванства: впрочем, в этом искусстве она худо успевала. Я никогда не забуду оперы „Serva Padrona“ (Служанка-госпожа), которую мы с ней сам-друг разыграли на театре Шаховского под Донским. Хуже этого позорища едва ли кто видал что-нибудь на сцене. Княгиня не умела ни петь, ни играть, театр мог поместить до 150 человек, а мы роздали с ней 300 билетов; разумеется, что была страшная давка, шум, крик и всякое неустройство. Ее все это забавляло чрезвычайно. Знаменитый Карамзин преклонял перед ней колена и отражал на нее сияние своей славы».²⁷

Долгоруков подчеркивает «взбалмошность» как основную черту характера Гагариной. Но в жизни этой светской дамы были также по-настоящему решительные поступки. Вместе с мужем, будучи беременной, она отправилась в польский поход и попала в плен к повстанцам; ей, однако, удалось бежать. Затем она первой из русских женщин в пору увлечений воздухоплавательными опытами поднялась в Москве на воздушном шаре.

Долгоруков, как и Карамзин, тоже посвящал Гагариной стихи: «Стихи мои под названием „Параше“ обращены были на ее лицо <...> суть памятник моего с ней знакомства и приятного провождения времени в ее кругу».²⁸ И в этой связи особо любопытно рукописное указание Долгорукова, что в этом стихотворении «имена выворочены» и что Селимена, а не Параша изображает в нем Гагарину. Во всяком случае данная помета дает основание рассматривать этот персонаж не в качестве обобщенного портрета суетной прелестницы, а связать его с конкретной женщиной, бывшей любовницей Карамзина.

Дополнительную черту к образу Гагариной дает и безадресное печатное примечание к стихотворению «Камин в Москве» о некоем самоубийце, по поводу чего «некоторые из приятелей <...> поговоря об этом, как о странном случае, сутки, на другие поехали на бал и плясали».²⁹ Рукописное замечание указывает, что речь идет о самоубийстве барона Спренгпостена, постоянного участника «круговенек» у Гагариной. В «Капище» Долгоруков описывает эту историю еще более ярко: «Мы, верные ее

²⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 101.

²⁷ Капище. С. 153.

²⁸ Там же.

²⁹ Бытие сердца моего. Ч. 2. С. 182.

поклонники, человек до шести, съехавшись, оплакивали самоубийство одного молодого сотоварища нашего, Шпренхпортена, который застрелился; мы призывали дух его с неба, мистические делали воззвания к царству мертвых, весь воздух около себя очаровывали, словом, из доброй воли пришли все в такой ужас, у камина сидя, что я, доехавши домой, вытерпел страшную бессонницу, и доныне для меня незабвенную».³⁰ Этот же сюжет возникает в письмах Г. П. Каменева, общавшегося в Москве с Карамзиным, причем последний пересказывает ему всю историю с такими подробностями, что можно предположить — источником сведений был все тот же узкий кружок. При этом Каменев приводит эпиграмму Долгорукова на смерть барона, оставшуюся неопубликованной и, возможно, забытую автором:

Барон С<пренгпорте>н застрелился;
Умы толкуют так и сяк.
Но я у чувств моих спросился
И заключил, что он — дурак.³¹

Кроме воспоминаний Долгорукова есть и ряд других свидетельств о жизни Карамзина, светского человека в светской Москве, о которой мы знали только по туманным намекам в его письмах к И. И. Дмитриеву. Еще в 1830-е годы в устной памяти существовал не только «Карамзин» А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, но и воспоминание о Карамзине, московском жителе прошлого века.

Два эпизода из его жизни вошли в «Записки» А. М. Тургенева, писавшиеся в тридцатые годы, но посвященные началу его чиновничьей карьеры и юношеским впечатлениям. Обращаясь к ним, мы все более погружаемся в область анекдотов и слухов, а не фактов. Однако именно из «слухов» в итоге и складываются исторические репутации.

Первый эпизод связан непосредственно с Гагариной, связь которой с Карамзиным не могла не привлекать всеобщее внимание, и представляет довольно едкую пародию на идиллические сельские картины в «Бедной Лизе». Текст Тургенева также хранит воспоминание о «Бракосочетании» Карамзина, где тот собирался «жен чужих добру учить».

«Вдовствовавшая тогда княгиня Прасковия Юрьевна Гагарина <...> жаловала чтение сочинений историографа. Николай Михайлович тогда не был еще историографом, пописывал просто, без высокого титула. Она была с Карамзиным коротко знакома, и он, лишившись возможности сам грешить, начал, как сам то напечатал, жен чужих учить. Было летнее время, читать и ночью душно, жарко в будуаре, а читывал княгине свои сочинения сам историограф. Княгиня, Н. М. Карамзин и неразлучная в то время подруга княгини девица Морозова собрались поехать к Симонову монастырю и там, на берегу Лизина пруда, выслушать чтение Николая Михайловича — сочиненный им роман «Бедная Лиза». Поэты прихотливы: послали к Лизину пруду ковры, подушки и, как было жарко, дамы позволили чтецу снять фрак и надеть халат китайский. Чтение спокойно

³⁰ Капише С 153

³¹ Вчера и сегодня СПб, 1845 Кн 1 С 55–56, 58

продолжалось, спокойствие ничто не нарушало! Начало темнеть, читать было не видно. Слуги княгинины, чтобы не беспокоить близостию господ, стояли с каретою вдалеке за монастырем. Две дамы и историограф, прекратив чтение, наслаждались прохладой вечера и, вероятно, Николай Михайлович их добру учил, как вдруг приходит к Лизину пруду человек восемь молодых купеческих сидельцев. Сорванцы, посмотрев на историографа и на дам, спросили их: „Что вы тут делаете?“ Николай Михайлович начал им что-то ораторствовать; только двое из удалцов схватили историографа и сказали ему, чтобы он не пикнул, а если отважится отворить рот,— они отправят его в пруд разговаривать с Лизой. Между тем другие по очереди учили княгиню Прасковию и наперсницу ея Морозову — чему? Про то знают княгиня, Морозова и знал покойный историограф. <...> С того времени Николай Михайлович читал, а княгиня слушала всегда в будуаре». ³²

Во втором эпизоде мы видим Карамзина в том же кругу развлечений барской Москвы, общем для него и Долгорукова. Мансурова — это красавица, за которой Долгоруков в бытность ее бедной девушкой на выданье ухаживал в Петербурге. Богатый брак позволил ей присоединиться к жизни московского света, где Долгоруков по старому знакомству стал неизменным участником ее домашних спектаклей.

«Князь Иван Дмитриевич Трубецкой <...> давал в доме своем на Девичьем поле бал со всевозможными причудами: благородный театр, сюрпризы супруге своей Екатерине Александровне, урожденной Мансуровой, иллюминация и фейерверк. <...> Сюрприз был подготовлен в фейерверке: статуя, представляющая *Fidélité*, при окончании фейерверка должна быть освещена бриллиантовым огнем и на пьедестале, в транспаранте блистать стихи в честь супружескую. <...> Прогорела штука, вторая, третья, может быть, и до десяти, наконец после возникшей тьмы надобно было зажечь — осветить изображение. Фейерверкер поднес фитиль князю Ивану Дмитриевичу, он был должен зажечь на натянутом шнуре голубка, который понес искру пламенной любви его сиятельства к обожаемой. В восторге, в восхищении зажег князь куклу-голубка, искусно сделанную фейерверкером. Куколка побежала по натянутому шнурку с быстротою молнии; прибежала к *Fidélité*, зажгла, и что увидели? живую — супругу князя Катерину Александровну за статуей <...> *faisant une infidélité!* Что же? Ничего. Все видели княгиню, никто не ошибся, но князя-супруга уверили и удостоверили, что то была не *femme de chambre* <...>. Николай Михайлович Карамзин был сочинителем стихов в честь *fidélité*, сам присутствовал на бале, видел все происшествие и вместе с прочими уверял князя, что за статуею *Fidélité* видели женщину, но то была не княгиня». ³³

Замечания и дополнения Долгорукова к текстам печатаются с указанием заглавий затронутых правкой стихотворений по порядку их размещения в издании и в соответствии с указаниями автора, к каким местам текста относятся или в какие места вставляются. Отметим также, что допол-

³² Тургенев А. М. Записки // Былое. 1918. Кн. 13. С. 173–174.

³³ Там же. С. 172.

нительно на чистых листах книги Д. И. Долгоруковым вписаны последние стихотворения Долгорукова-отца — «Чистый понедельник» (напечатано в книге М. А. Дмитриева) и «Взгляд старца на заходящее солнце» (указано О. М. Бодянским в перечне рукописей Долгорукова, хранившихся в семье сына).³⁴

Экземпляр библиотеки ИРЛИ, шифр: Ло.387.1.8. (ч. 1—4).

Владельческая запись на форзаце части первой издания:

«Сын автора, сенатор князь Дмитрий Иванович Долгорукий, прислал мне из Москвы, при письме от 19 февраля 1865, в подарок этот драгоценный экземпляр сочинений своего отца, вписавшего собственноручно на особых листах, вплетенных в книгу, объяснения на свои стихотворения, выпущенные из них в печати стихи и т. п. Михаил Лонгинов. Тула. 22 февраля. 1865».

Предисловие

Писано в 1817 году.

Гимн в день моего рождения

Писано во время моего пребывания в Пензе в 90-х годах.

ст. «В день, когда на брань стремился...»

Я был под шведом в день сражения 24 мая 1790 года.

ст. «При дверях чертогов царских...»

Я часто бывал у меньшого двора в то же время в Павловском и Гатчинах.

стрф. «Когда мерзкие внушенья...»

Эта строфа относится к моим беспокойствам Пензенским по гражданской службе.

стрф. «Ты свои святы законы...»

Директор экономии посылал на меня язвительные доносы ко двору, при котором находился тогда племянник его родной кн. Зубов первым царедворцем.

Акростих

Писано в самой первой молодости.

Размышление о смерти

Писано было в Володимире и читано мною там публично в обществе охотников до словесности 1811 года.

На кончину Г. Горича

Сии стихи суть первые, кои отдал я в печать. Я их писал в 1786 году, будучи 22 лет от роду.

На открытие здания для ботика Петра I в Переяславле

Писаны во время моего начальства над сим городом в 1803 году.

³⁴ «Бытие сердца моего»; между частями 3-й и 4-й в одном переплете; Дмитриев М. А., с. 129; Славны бубны... С. IV.

На открытие Владимирской гимназии 1804 года августа 7-го дня
Читаны публично при открытии гимназии.

Князю Пожарскому

Писаны во время первого ополчения и напечатаны в особой тетрадке вместе с речью, которую я, бывши губернатором, произнес купеческому сословию.

На пострижение благородной особы

Писано в Пензе на счет Дарьи Михайловны Новиковой, постриженной в бытность мою там в 90-х годах.

Невинность

Читана публично Ф. Ф. Кокошкиным в Обществе любителей российской словесности в Москве в 1816 году и много принесла мне беспокойства.

ст «Чтобы одно лишь в свете было »

В рукописи было и цензурою не пропущено:

Чтоб где-нибудь на свете было
Священно царство правоты

Песня последняя моим современникам

Сочинена в 1816 году в Москве.

Рассуждение о судьбе

Писано в Москве 1815 года и напечатано было особо.

На освобождение князя Сибирского

ст «Сколь подвиг знаменит сопутницы твоей »

Сия женщина сопровождала его в ссылку, наконец, сделалась его женой
Хвала геройскому подвигу ее.

Кн. Гр. Сем. Волконскому

Писано тогда, как он был генер.-губ. пограничных наших азиатских областей.

Нешастной красавице

Сие послание извлечено из Киевского моего путешествия и писано на счет генерал-майорши Рахмановой, урожденной Пассековой, заключенной во Фроловском монастыре по причине сумасшествия, в 1810 году.

Щастливой человек

Писано в Москве в 90-х годах.

ст «Коль им наполнен Твой закон » исправлен на «нисполнен Твой закон »

Прогулка на Трех горах

Писано в царствование нынешнего государя А<лександр> I в Москве в 1801 году.

Прогулка в Савинском

Писано в Никольском по прибытии моем из Владимирской губернии

Плач над Москвою

Писано в Шуе, скоро по освобождении Москвы от француза

Черты свободного писателя

Писано в Москве в 1814 году

ст «Того, что вера » исправлен на «Того, что честь рекла »

Торжество совести

ст «Не наша сухота »

Чинов ли? — За какой сегодня постоят
Крестов? — их дюжин пять на выбор подвалят,
И лент через плечо из самой нежной ласки
Со всех сторон нашьют какой угодно краски
А что всего милей и проч

ст «Все ради присягнуть » до «Короче, в нем все дар »

Лицом ли не пригож? Влюбляет всех без меры,
С ним рядом ничего Купидо, сын Венеры,
И лучшая жена за тридевять земель
Прискачет без души, чтоб лечь к нему в постель

ст «И выведет, что он » до «Богатому на что »

Закройщиком родясь, быть может генералом
И тотчас попадет в сравнение с Аннибалом

ст «Я царь и над молвой »

Сии слова приписывали Наполеону

ст «И в очередь свою » по «Умолк народный шум »

Мы видели царя на тронной вышине,
Посмотрим как теперь с собой наедине
Во внутренних своих покоях отдыхает
И в очередь свою как совесть поздравляет

ст «Хотел, чтоб все »

Как Генрих ты желал, чтоб каждый мужичок,
Мог ставить на огонь с говядиной горшок
Чтоб всякий был твоей державою доволен
И кроме только зла, все делать был бы волен
И что ж из этих и проч

ст «А ты всегда в крови »

В Израиле цари давно уж воевали,
И часто по пяти царей в полон бирали,
Но громки Соломон лишь только и Давид,
А прочие своих веков позор и стыд
Гражданской царь и проч

ст «Быть славным алчет он »

Внемли, что говорят на родине твоей
Кому ты не постыл? — кто славе рад твоей?

В отечестве твоём и солнце не играет,
И небо не дождит, земля не прозябает.
Увы, какой венец и проч.

ст. «Ответствуйте! ея допросов...»

Не ты ли позабыв страх божий, добродетель,
Несчастливого царя кончины был свидетель?
И святотатственной коснувшись рукой,
Всю плоть его мождил и разлучил с душой,
Не ты ли за сие злодейство знаменито,
Которое во всех концах земли открыто,
Не только умереть на плахе не сужден,
Возвысился в чины, всем в свете награжден?
И с беззаконием соедини другое
Потомству передал имение чужое,
Которое, когда твой дед в потемках был,
Боярский древний род за верность получил.

Прим.: Имение деда моего конфисковано и отдано потом Гр. Орлову.

ст. «Вещай, кичливый сын...» заменено на «А ты, бесплодный сук великого героя!»

ст. «На ближнего бедах...»

Отчеркнутые стихи < «На ближнего бедах...» до «Сугубо в них разил...»> «суть история моей бабки родной, у которой брат её родной, граф Петр Борисович Шереметев, отнял следующую часть имения после отца, потому что она с мужем предпочла ссылку пышной доле при дворе жестокой Анны».

ст. «Чужих фортуна насос...»

А ты, что там лежишь, разнежен, на диване,
Во веки не зажить твоей глубокой ране.
Безжалостный игрок и проч.

ст. «Лишил навеки детей...»

Приблизься, утучнен победой богатырь,
В сражениях — медведь, у трона — нетопырь
Разграбя крепкой стан напрасно ты гордишься.
Я знаю лишь одно: когда ты спать ложишься,
Сколь робок предо мной, хоть меч твой в головах.
Как коршун, налетев, уносит кур в когтях,
Так хищен ты в бою и помыслом и нравом.
Вселенна твой грабеж зовет военным правом.
Ты можешь вслух сказать везде, что ты богат:
(Ведь ты не копиист, а фронтовой солдат)
Что срамно для судей, то славно для солдат.
Нажива от пера! — намеренье проклято!
А с кучи мертвых тел собрать добычу — свято!
Так судит целый мир и рыцарский устав.
Но я, страж истинны, не смышлю ваших прав.
По мне хоть у знамен, хоть у зеркал бездельство
Есть богоухольное ужасное злодейство.
Успехами его ты славу мог стяжать,

Вселенну от себя заставить трепетать.
Но счастье совсем сокровище другое,
Нигде его не даст сражение лихое.
Нам должно, чтоб его вокруг себя найти,
Счет с совестью своей прилежнее вести.
Внимать её совет, с ней спор остерегаться
(И зло переносить с терпением обучаться)
И логике её премудрой обучаться.
Фортуна! где бы ты и проч.

Сумерки моей жизни

Прим. Д. И. Долгорукого: «Вскоре после кончины моей матери отец собирал нас каждое после обеда вокруг фортепиан. Старшая из сестер играла любимое матушкино адажио, и каждый из нас по очереди, когда музыка останавливалась, говорил наизусть по куплету из пьесы „Тебе, Евгения, приносим и проч.“»

24 декабря в день её именин

Все это собрание стихов писано мною в Володимире. Адажио было присоединено к стихам в особой книжке, которая тогда же и была напечатана.

ст. «В стране, где всех существ...»

В рукописи было:

О, если всех существ Зиждитель
Устроил вправду где-то рай.

Другу

Сии стихи были посвящены мною кн. Н. Е. Куракиной.

Тальша

Я писал эти стихи у А. Н. Воейковой в Ковровской её деревне.

Ночная поездка

Отправив очень скучную поездку в деревню гр. А. Р. Воронцова в 50 верстах от Владимира, дорогой, ехавши назад ночью, сложил я сии куплеты.

Успенское

Писано в Володимирской деревне господина Муханова И. Ильича.

Хижина на Рпени

Я жил летом под самым городом Владимиром в палатке на берегах именуемой речки, за которой на противной стороне построена была от непогод беседка, в то время, когда эти стихи вышли.

Завещание

Писано скоро после смерти сестры моей, когда я ездил к зятю в Можайскую деревню поклоняться гробу её, что происходило в 90-х годах <приплетен немецкий рукописный перевод стихотворения>.

Я

Писано в Москве в течение последних лет протекшего столетия.

Низовая повесть

Отношение мое к бывшей княгине Трубецкой, а ныне гр. Броглио подало повод сим стихам и вымышленной сказке.

Глафире

Сии три послания к Глафире писаны в последних годах минувшего столетия.

Прим. Д. И. Долгорукого: «Я был влюблен в кн. Волконскую; она под именем Глафиры в стихах моих воспламеняла сильным образом мои чувства» (записки отца моего, 1805 г.).

Людмиле

Сочинено в Пензе в 93-м годе.

Прим. Д. И. Долгорукого: «Людмиле — Е. А. Улыбышевой».

Незнакомой в столице

Сие послание принадлежит госпоже Воейковой, которая хотела непременно меня видеть.

Незнакомой в уезде

Сие послание принадлежит госпоже Николевой, супруге Ив. А., которая не зная меня вовсе, изволила на имя мое адресовать стихи в журнале под названием «Иппокрена».

Параше

Писано на щет Гагариной и кн. Волконской. Имена их выворочены Первая названа Селименой, а её собственное Прасковьи дано здесь последней.

Судьбе

ст «Был пышный богатырь »

Потемкин

ст «Бывало князь прямой »

Князь Яков Федорович Долгорукой.

ст «Бывало, на часок .»

Многие игроки и счастливые волокиты.

ст «Бывало проскакав .»

Граф Борис Петрович Шереметев и дочь его княжна Урусова.

ст «Бывало кто в кредит »

Все придворные фавориты.

Сослуживцу

Оно в начале адресовано было Ивану Ивановичу Дмитриеву, но поступки его потом заставили вымарать его имя.

Сердечкину

Фантазия никому лично не принадлежащая.

ст «Дорат сказал »

Этот стих подал причину сей пиесы: «L'esprit peut rendre un homme amiable mais l'estomach le rendre heureux» (из Дората)

Соседу

Я был влюблен, рассердился, приревновал и написал эту штуку в 90-х годах.

Морфею

Писано в Володимире во время тяжкой скуки скоро после моего там поселения из Москвы.

ст. «Кому не страшно сон терять?..»

Виноват! хотел зацепить Державина.

Парфену

Вымышленное лицо.

А. И. Вилламовой

Писаны по приезде моем в Москву после моей отставки в 1812 году.

Воспоминание в Рамзае

Писано в приятельской деревне под Пензой в 1813 году.

П. П. Нарышкину

ст. «Что Бог, который благ...!»

в рукописи было на 8 стихе сего послания к Нарышкину:

Что Бог, который благ и кроток бесконечно,
За временный наш грех не станет мучить вечно

ст. «Пять раз на месте сем...»

Я в своём Никольском всегда приезжал плакать о какой-нибудь беде.

М. Н. Макарову

Ответ на его стихи ко мне в последнюю войну с Наполеоном.

И. Н. Классону

Писано в Пензе к одному приятелю, который живет в доме нашем без мала 30 лет.

Н. Ф. Остолопову

Ответ на его стихи, писан в Малороссии.

ст. «Доколь их странности...»

Здесь в рукописи поставлено было:

Доколе в Мистику по горло не уйдешь

Цензура не пропустила Мистики.

Дружбе

Писаны в Москве и посвящены кн. Волк<конской>.

Восхищенье

Посвящено ей же.

Камин в Пензе

Там и сочинен в 95 году и после переведен на французский язык профессором университетским г. Авиа (Aviat). Первый экземпляр сих стихов печатан в типографии господина Струйского в Саранске.

Камин в Москве

Писан там же в 90-х годах.

ст. «Не требуйте на то примера...»

Барон Спренгпортен, по смерти которого г-жа Гагарина, нынешняя Кологривова, оказала сильное равнодушие к потере всedневногo своего гостя, и В. С. Нарышкин, который всякий день ездal по гостям и как умер, то собственные холопи его похоронили.

За женщин

Сии стихи писаны в насмешку танцевальной академии, которую в царство императора Павла завели для одних мужчин и дали собранию этому такое фальшивое наименование потому, что боялись назвать клубом аглинским, которого сия академия была прообразователь.

Против женщин

Писано в любовной досаде в Москве.

Бал

Писано без предмету.

Пир

Вся эта пиеса сочинена по воображению без цели на кого-нибудь.

1799-й год

Я во вeсь этот год был влюблен, и все, что в нем ни написано мною, дышит тогдашним расположением моего сердца.

Приказ швейцару

Писано в Пензе во время службы моей там вице-губернатором.

ст. «Попам, что и без них...»

Подчеркнутая строка не нравилась митрополиту Платону.

ст. «И что за прибыль...» по «Металл! ты мудрецов...»

Все стихи между знаками относились тогда на счет князя А. Б. Куракина, который живучи поблизости Пензы в своем поместье был и винокур, и поставщик, и откупщик, и следовательно по любви к выгодам своим довольно похож был на портрет, который я с него вздумал здесь нарисовать.

Нечто для весельчаков

Я писал эти стихи в одно время с Рассуждением о судьбе, хотя предметы тех и других совсем разнообразны.

ст. «Меж тем одна из дам...»

Лизавета Петровна Глебова.

ст. «Послушайте меня, — Дельфина...»

Все сии стихи относятся к кн. Н. Е. Куракиной.

Везет

ст. «Догнал, — так и пошла...» до «Гостеприимства добродетель...»

Между сими двумя строфами пропущен один <куплет>, которого цензура не позволила печатать:

В избах, на стогах и во граде
Побольше значить хочет всяк,
Собой лобуется в наряде
С разумным рядом и дурак.
Жрецы своим огромным строем
О том же мыслят пред налоем;
И в самых кельях, говорят,
Не все монахи бьют поклоны,
Но, часто, глядя на иконы,
В уме мирское сатанят

ст. «И нагло вытеснят везде...»

Здесь также выпущен один куплет:

Пускай бы съездили вельможи
Без всякой почести своей
В одной дворянской нашей коже
Российских посмотреть затей.
Увидели бы, что без крову
Меньшую братию Христову
Во всяком смысле тормошат;
А то сатрапам лежебоким
Иль витязю с пером высоким
Известно дело! — кто не рад!

В последнем вкусе человек

стрф. «Ликуй, холодный себялюбец...»

Эту строфу И. И. Дмитриев отнес к себе.

Семира Болеславна

Писано в Веневской деревне у тещи моей и с тамошнего оригинала снята картина.

Дубина

Я писал эту притчу по случаю моей отставки в Волод<имерской> губернии.

Баркас

Эта безделка дала мне мысль написать на слово *везет* те стихи, которые напечатаны выше и ошастливлены были такой славой в публике.

Исповедь греховодника

Писано в Володимире без предмета с одного идеала.

Ропот на дороге

ст. «Должна быть розница...» до «Но путешественник свободный...»

Курьер все царство объезжая
Дрожит как Каин на блуку.
Он кровью харкает, он плачет;
Велят — и день и ночь все скачет,
Летит стремглав в овраг, в реку.

Елисавет град

Сии стихи взяты из моего путешествия в Одессу и Киев.

Развалины Серпуховской крепости
Из того же путешествия.

П. И. Мятлевой в Киев
Из путешествия.

На долину Мшинскую в Белеве
Анне Петровне Юшковой.

Темире
Т. А. Луниной.

На день рождения П. П. Н.
Нарышкиной.

Барону А. С. С.
Александрю Сергеевичу Строганову.

Вечеринка в саду
Сии стихи сочинены в саду В. А. Владыкиной.

Бал в Кременчуге
Из путешествия.

Хвала вину
ст. «А Бахус входит...» до «По чести, может ли...»

И впрямь кто может пить гренаж,
Тому, что нужды добиваться?
При ком,— и с кем,— и где проспаться,—
Принцесса ль, баба ль — все кураж!

ст. «Не стану их хвалить за розы...»
NB Я не терплю никакой выжимки ни водяной, ни масляной, из розанов. Этот дух сильно действует на мои нервы.

Приветствие малолетнего отцу его, в день его именин
Писаны в деревне Черниговской моего зятя Селецкого в день именин его 15 июля кн. Владимира и читаны ему сыном его Мишей.

Надпись ... Екатерине II
Писано в Пензе.
<Вписано в раздел «Надписи»>

За яблоко отец людей
Утратил рай, утратил душу;
Но мне ль винить поступок сей:
Я сам бы отдал все за Грушу.

Запись Д. И. Долгорукого: «Мачиха моя называлась Аграфеной. Эти стихи не были пропущены цензурой».

Приношение С. Н. Р.
Прим. Д. И. Долгорукого: приношение С. Н. Р (Софье Николаевне Рубецкой).

Песня VII. Меня реки разлучают

Сочинена в водополь на пароме, переезжая Оку в Муроме на пути из Москвы в Пензу.

Песня XXVIII. Рыцарь! Вложи в ножны...

Писана в Орле.

Песня XXIX. Пока Фатъма меня любила...

Писана в Киеве и посвящена Н. И. Ширковой.

Дурылом, или Выбор в старшины. Комедия.

Сия комедия сочинена в деревне на провинциального оригинала. Два лица Дурылом и Сусекина списаны с натуры, а прочие все — идеальные изображения. Многие, не зная сего, думали, что я имел в предмете некоторых жителей московских, но владимирские обыватели, прочтя комедию, узнавали того из своих соотечественников или сограждан, который доставил мне случай пошутить пером на свой счет.

Отчаяние без печали, или Так водится. Комедия.

Сия комедия писана для общественного театра в доме кн. Мих. Петр. Волконского в 98 году и была играна только один раз у меня в доме в Володимире моим семейством. После, перед напечатанием ее она мною переделана.

Любовное волшебство. Опера.

Эту оперу сочинил я в 98 году в Москве. Она напечатана тогда же особо, и после не переделана. Её играют в Нижнем с некоторыми, однако, уменьшениями. Сцена знатного барина выпускается вся.

Приятелю. Шутка за шутку.

Сии стихи, сочиненные на счет г. Макарова, будучи написаны в начале 1818 года не успели по моему плану в свой разряд во 2-ю часть моих сочинений, тогда уже отпечатанную, и потому и внесены в конце сей последней.

ст. «Нет мастера...»

Здесь выпущены следующие стихи цензурой:

Нет мастера на грех! Натура разыгралась;
Услужливый зефир прихлопнул дверь замком,
Служанка Госпожа в минуту под бочком,
Как бабочка вокруг тебя уже играет,
И треплет по щеке и в оченки лобзает.
Тут ласковостей тьма! — Одна другой во след
Дань нежная любви, венец её побед;
И тайны не страшась нескромныя измены
Ты небо заключил в свои четыре стены.

ст. «В таком порядке дел...»

Амур без алтаря, без жертвы Гименей

Не могу понять, отчего цензорам не угодно было пропустить того стиха, который я вписал. Неужели для сохранения целомудрия? Увы!

я могу сказать о своем стихе, что сказал Русо об Элоизе: *Le mal était fait d'avance*.

ст. «Как говорит преданье...»

У меня было:

Как пишет Соломон...

полустишие правильное. Цензоры, вступясь, видно, за честь Соломона, не апробовали моей ссылки на его премудрость и рассудили переменить мое полустишие; но зачем же они его сделали неправильным? Выпуская мой стих, по крайней мере они обязаны были его заменить лучшим.